

УДК 1:316+008(470.11-22)

СЕМАНТИКА ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО СЕВЕРА³

Матонин В. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск). E-mail: matoninv@yandex.ru

В статье семантика геокультурного пространства Русского Севера рассматривается на основе гипотетически сформулированной идеологемы: идеи «перехода», идеала «Преображения», идеологии с признаками оппозиционности и маргинальности. Автором сформулированы онтологические качества

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области (проект № 14-06-98809 р_север_а «Комплексное исследование культурной географии и этнокультурных ландшафтов прибрежных территорий Русского Севера»).

пространства жизненных отношений: необходимость границы (автономия), сакральное и семантическое оформление территории, наличие идеи и «гения» места (носителя идеи места). Выводы автора актуализированы проблемой диалога культур в условиях глобализации.

Ключевые слова: геокультурное пространство, Русский Север, тринитарность, бинарные оппозиции, семантика, экзистенциальная граница.

SEMANTICS OF GEOCULTURAL SPACE OF THE RUSSIAN NORTH

Matonin V. N., Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Culturology and Religious Studies, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk). E-mail: matoninv@yandex.ru

The research subject is local and universal features of Semantics of Geocultural Space of the Russian North. The methodological basis is the doctrine of ontological relationship between a cult and culture. Spiritual ideas of peasants are differentiated in the field of life relationships by law of “generating semantics” (K. Levi-Strauss). Socio-cultural area of Northern villages verbalizes the idea of “transition,” the ideal of “Transfiguration,” the ideology taking various forms of marginality and opposition to conditional centre in time. Orthodox dogmatics is projected into the idea of monarchy as the only possible state. Principle of the Trinity is perceived as a universal spatial law. The author formulates the ontological characteristics of Geocultural Space: the necessity of bounds (autonomy), the sacral and semantic figuration of territory, the presence of a message of the place and a “genius” of the place (a carrier of the message). The author’s conclusions are actualized by the issue of a dialogue of cultures in the context of globalization.

Keywords: geocultural space, Russian North, trinitarianism, binary opposition, semantics, existential border.

Актуальность изучения семантики геокультурного пространства Русского Севера обусловлена обострением проблемы диалога культур в условиях глобализации. Немецкий философ неокантианской школы Эрнст Кассирер разработал символическую теорию мифа на основе оппозиций «сакрального» и «профанного», открывающую широкие перспективы для новой исследовательской методологии [6, с. 752–757]. Анализ совокупности инвариантных отношений как специфики мышления позволил французскому этнологу Клоду Леви-Стросу разработать структурный метод изучения культуры, выявить и обосновать законы «порождающей семантики» (см. [12, с. 18–20]). По мнению В. Н. Топорова, одного из создателей отечественной семиотики как научной дисциплины, бинарные параметры – архаичное и универсальное средство описания пространства [13, с. 16]. Архангельский философ Н. М. Теребихин в монографии «Метафизика Севера» исследует этноцентрические модели мира в культуре северных народов из противопоставления «православного центра и хтонической периферии», «мужского и женского», «движения и

оседлости» [11, с. 3–4]. Пространство жизненных отношений – коммуникативная система, основанная на ценностно-смысловых механизмах различения «своего» и «чужого». В условиях территориальной включенности одной культуры в другую определяющее значение в диалоге культур приобретают семантические маркеры, имеющие территориальную, ментальную и знаковую форму. Крестьянская (христианская) культура универсальна, но обладает «диалектными» признаками локальности. По мнению отца Павла (Флоренского), культуру можно понимать как организацию пространства жизненных отношений (техническую сторону бытия) и как формирование ментального пространства (мысленную модель действительности) [14, с. 321]. «Пространство жизненных отношений» северной деревни выражено географическими и одновременно этнокультурными понятиями «Русский Север» и «Поморье». Русским Севером называют северные районы европейской части России, на северо-востоке ограниченные природными, а на западе – историческими рубежами [4, с. 45]. В названии отчетливо выражен этнокультурный аспект – значение *госу-*

дарственной границы Руси, где единство народа поддерживалось православной верой. Поморьем в середине XVI века называли земли, простирающиеся от Вологды до Северного Ледовитого океана. Семиотический смысл понятия Поморье указывает на чуждое русским крестьянам и враждебное пространство хвойного (хтонического) леса и тундры. Слова *море* и *мороз* восходят к общему для них индоевропейскому глаголу умирания – *mor*: Поморье – это пространство, требующее покорения и освоения: экзистенциальная граница, территория борьбы или неустойчивого баланса противостоящих сил. В бытовом значении понятия «Поморье» и «Русский Север» рассматриваются как синонимы, а в исторической ретроспективе являются вотчинами Соловецкого Спасо-Преображенского мужского монастыря. В XVI–XVII веках северные пределы «Дома Спаса и Николы» доходили до реки Печенги на Кольском полуострове. Соловецкий монастырь был крестьянским по составу братии, по организации монашеской жизни и хозяйственной деятельности, в которой преобладающее значение имели морские промыслы: рыболовство, охота на морского зверя и солеварение. Между тем основное значение монастыря в том, что монахи – это воины Христовы, а их повседневная жизнь – это поле духовной брани. Поэтому геометрический образ социокультурного пространства северной деревни можно представить как систему концентрических мировых кругов, вписанных друг в друга: границу государственную, экзистенциальную, духовную [11, с. 5]. Онтологическим качеством социокультурного пространства северной деревни является его инобытийность. Условия «границы» располагали к рефлексии: к состоянию бинарной идентификации. Образы горизонта и необъятной водно-небесной стихии усиливали остроту переживания экзистенциальных состояний. Не было незначительных событий и происшествий. Их восприятие возводилось в крайние степени значения. Феномены материальной жизни северных крестьян по мере приближения земледельческой культуры к арктической природной зоне приобретали все более очевидный духовный и символический смысл.

Колонизация севера осуществлялась в бегстве от «мира» [9, с. 224–229]. «Преображение»

(как обретение нового качества) и «переход» (как перемещение в пространстве) мотивированы невозможностью совмещения идеального и действительного. Русских поселенцев, находившихся на душевном перепутье в периоды апокалипсических ожиданий, влекло к ландшафтным границам, где совершается выбор направления, происходят активные перемещения и течения. Только здесь русский человек мог остановиться и сказать: «Сей покой мой во век века, zde вселюся, яко изволих и». Переходное пространство позволяет ощутить «глубинную динамику жизни, законы ее круговращения и вечные законы бытия» [10, с. 232]. Недостаток равновесия в природе, неустойчивость климата соответствовали душевному состоянию беспокойства, нестабильности. Крестьян, осваивающих малозаселенные территории, привлекали возвышенные берега озер и устье реки неподалеку от моря, края заливных лугов, граничащие с холмами, поросшими лесом. Локальное социокультурное пространство является человеко-размерной системой, отделенной от мира естественным ландшафтным рубежом (священной рощей, оврагом, ручьем и т. д.) или же поклонными деревянными крестами, часовней, дорогой. Пространственная модель описания мира складывается из дуальных оппозиций: «север – юг», «запад – восток», «небо – земля», принимающих троичный характер, когда географические параметры дополняются духовным или оценочным содержанием. Так, например, в триаде ценностно-смысловой вертикали «небо – земля – преисподняя» земля представляет собой двуприродную субстанцию, как место борьбы добра и зла, света и тьмы, белого и черного. По мнению В. Н. Топорова, пространство негомогенно и нецентрально (в аксиологическом плане): оно качественно, и его качество определяется священными объектами, в нем находящимися [13, с. 31].

В. Франкл психологически обосновывает высокую степень религиозности на границе жизненного пространства: «Если условия предельности бытия переселяют человека в условия “иного мира”, то выживают только такие люди, которые способны в духовной жизни, потому что выход из потусторонности нечеловеческих условий открывается только в религиозность» [15, с. 158]. Универсальными объектами почита-

ния были острова и полуострова, большие скалы, холмы, деревья, водные источники. Ценность земли («куда рука ходила») или пожни, дома или промыслового судна определялась количеством затраченных по отношению к ним трудовых усилий: *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»* (Мф., 6: 20). Физический труд воспринимался как форма духовного делания и возможность обретения жизни вечной: *«труд, подкрепляемый молитвами, и молитвы, сопровождаемые трудом, могут привести к спасению души, к которому, прежде всего, и больше всего должны стремиться трудящиеся»* [3, с. 3].

Проходя мимо работающего соседа, онежские крестьяне здоровались: «Бог в помощь!» В ответ произносили: «Прошу милости!» Событийное положение человека на пожне при работе «горбушей» или на огороде символизировало просьбу и одновременно – благодарность за получение милости. Любое дело начиналось со слов «Господи, благослови!». Многие пословицы и поговорки отмечены печатью религиозности: «Без Бога не до порога», «Как помоется, так и помолится».

Сельский социум формировался вокруг святого («не стоит село без праведника»), культурного героя или «гения места» (носителя традиций и местной мифологии). Ментальное пространство проецируется из внутреннего мира личности. Творческое отношение к жизни было одним из условий выживания в предельных для земледелия природных условиях.

Отношения между людьми регламентировались оппозиционными критериями: «свой – чужой», «хороший – плохой», «мужской – женский». Социум начинается с «двоицы» – с двух личностей, собравшихся во имя Божие. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф., 18: 20). Догмат об исхождении Святого Духа от Бога Отца разворачивается в представления о монархии как единственно возможном устройении общества. Семья («малое государство») – низшее звено в системе самоуправления. У себя в доме хозяин олицетворял духовную и светскую власть. Высшим органом власти был мирской сход. Крестьяне решали, где и кому можно построить, что и на каких условиях нужно сделать совместно («обществом»), с какого «наволока»

начинать косить, как распределить общинную землю. Монархические принципы государственного управления органично сочетались с общинными и земскими традициями. При ослаблении общинного (соборного или земского) самоуправления в форме горизонтальных социальных связей, освященных традиций, наиболее талантливые, творческие и самостоятельные люди уходили в оппозицию к действующей духовной и государственной власти. Устремленность к спасению и практическая необходимость предопределили появление особого типа крестьянских домов, напоминающих библейский ковчег. Под крышей пятистенка жили люди и домашние животные: «каждой твари по паре». Двускатная кровля соотносится с образом корабля, идущего по небесному океану. Семьи состояли из 10–15 человек. «До колхозов» средняя по достатку семья в Поонежье (на берегах реки Онеги и ее притоков) держала 2–3 коровы («не столько для молока, сколько для навоза»), 1–2 лошади, 10–15 овец. Свиной северные крестьяне избегали брать в дом. Это животное считалось «нечистым». Нечистоплотность делала свинью символом легкомыслия и пренебрежения благодатью. Предания приписывали свинье то же влияние на земледелие и урожай, какое принадлежит грозovým тучам, *«бурное дыхание которых, поднимая пыль и сокрушая деревья, как бы роет землю»* [1, с. 170].

Отношение к собственности двоилось. Богатство, будучи очевидным благом, воспринималась при этом как препятствие в стяжании Духа Святого («Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное»). Одно из крайних проявлений крестьянского миропонимания – гипертрофированное чувство справедливости. Название земельного пая – «на душу» – указывало на духовные основания сельскохозяйственного труда. Существительное «страда» (время полевых работ) этимологически связано с глаголом «страдать». Крестьянская доля была нелегкой, но неизбежно воскресение – праздник. Работа на земле («тягло») воспринималась как крест, который необходимо нести до могилы: *«кто не несет креста своего и идет за Мною, тот не может быть моим учеником»* (Лк., 14:27).

Вера в Пресвятую Троицу проецировалась в тринитарные хозяйственные и социальные пред-

ставления, освященные традицией. Троекратное повторение молитв и обрядовых действий «рифмуется» с трехпольем и представлениями об основах государственности («православии, самодержавии, народности»). Трехмерный формат распаханного пространства (ширина, длина, высота) и прямая перспектива времени (прошлое, настоящее, будущее) сосуществовали с представлениями о годовом сельскохозяйственном круге как прообразе вечности. В кочевых культурах движение – высшее проявление жизни. Стремление к кочевничеству присутствует в душе русского земледельца как потенциальная, но нереализованная возможность на новом месте начать новую жизнь. Странничество воспринималось как возможность решения социальных, политических, духовных проблем. Высокое стремление вобретения нового человеческого качества (Преображения) по закону инверсии опрокидывалось в ненормативное поведение: в бессмысленный бунт и крайние проявления нигилизма.

Земледельцы, достигшие края земли (последнего географического предела, за которым невозможно даже рискованное земледелие), переходили к промысловому хозяйствованию и образу жизни. Женские характеристики земледельческой культуры (традиционность, соборность, преобладание содержания над формой) вытеснялись мужскими качествами (стремлением к расширению пространства, индивидуализмом, предприимчивостью, открытостью для восприятия неведомого). Ситуация социокультурной инверсии высвобождала в северных крестьянах сильнейший пассионарный потенциал. В начале XVII века, когда из-за династической смуты пошатнулась русская государственность, северные промышленники и казаки активно осваивали Северный морской путь.

В земледельческих волостях Русского Севера и Поморья еще в начале XX века были сильны соборные традиции, приверженность крестьян к архаическим орудиям труда и способам производства. На Поморском берегу Белого моря и в верхнем течении реки Мезени преобладали старообрядческие особенности жизненного уклада. Промышленников отличали ярко выраженный индивидуализм, склонность к предпринимательству, широко распространенная практика религиозных обетов и

паломничества. «Наше море – наше поле», – говорили крестьяне, промышленяющие рыбу и морского зверя. Белое море было опасным для мореплавания из-за бесконечных мелей, корг, кошек, сувоев, изрезанных берегов, студеной воды, туманов и сезонной навигации. Морская стихия символизирует соединение физического и метафизического оснований бытия. Для «Преображения» необходимо пройти через страдания, обращающие человека к духовности: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился». Семантика моря имеет универсальный характер у разных народов [11, с. 8–10]. Береговая линия – «край света». Остров – «центр потустороннего мира». Ветер – воплощение судьбы («суда Божия»). Туман – символ неопределенности, а «*рассеивание тумана соотносится с прозрением и откровением, олицетворением перехода из одного состояния в другое*» [2, с. 94]. Движение по воде и комплекс физических страданий, вызванных морской болезнью (когда «море бьет»), переживаются как умирание. По мысли В. Н. Топорова, переход (или «прорыв») сквозь предметность в иной план бытия («*в ноуменальный мир свободной воли*») имеет место именно в пограничных ситуациях перед лицом гибели, крушения, неудовлетворенности существованием, лишенным очевидных оснований. Море – «*тот локус, где подобная ситуация возникает особенно естественно и относит человека в одну из двух смежных и имеющих общий исток областей – царство смерти и царство сновидений*» [13, с. 585–586]. В этой пограничной области «*церковь, подобно кораблю, приводит людей в Царство Небесное*» [8, с. 319–326]. В семантике морских образов очевидны признаки бинарности. Церковь – маяк. Корабль (короб, гроб, домовина) – дом (хоромина, храм). Крест – мачта. Народная этимология сближает понятия *судно* и *суд* как испытание водой. «Хожение по водам» соотносится со странствием «по волнам житейского моря». Ванты – это «ноги» на поморских судах. Киль лодки (лодии) и несущая балка дома называются одинаково – *матица*. Указанные этимологические ряды напоминают о восприятии корабля поморами как дома и храма одновременно. Берега оформляются знаками перехода: движения в обетованной цели: деревянными крестами, храмами, часовнями, гуриями [7, с. 19–25].

Идея «перехода» как возможности спасения по мере христианизации Севера выкристаллизовывалась в идеале Преображения. Поэтому островные монастыри Русского Севера и Поморья называются Преображенскими: Соловецкий монастырь на Белом море, Валаамский монастырь на Ладожском озере, Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере.

Обобщая опыт семантического обзора социокультурного пространства северной деревни, необходимо отметить ряд его онтологических признаков:

- присутствие границы, обозначенной особенностями ландшафта, природными объектами или рукотворными маркерами (деревянным крестом, часовней, развилкой дорог);

- сакральное и семантическое оформление территории;

- представления местных жителей о своеобразии своей «малой Родины»: «идея места», идеале, позволяющих различать «свое» и «чужое»;

- мифология места (актуализированная история) и «гении места» (носители мифологии).

Семантика геокультурного пространства Русского Севера характеризуется переходностью, имеющей тенденцию к усилению по мере приближения территории к Арктической зоне. Экстремальные условия для земледелия или морских промыслов, поиск общего языка с аборигенами и соседями по ту сторону государственной границы (норвежцами, финнами, шведами, датчанами) придавали социокультурному пространству северной русской деревни метапровокативный статус. Насилие в экстремальных природных условиях было самой неперспективной возможностью решения социальных и экономических проблем.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни. – М., 1983. – 170 с.
2. Гибсон К. Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре. – М.: Эксмо, 2007. – 365 с.
3. Достоверные сказания о подвижничестве святых отцов. – М., 1845. – 257 с.
4. Мачинская Д. А., Мачинский А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–IX веках // Русский Север. – Л., 1988. – 235 с.
5. Де-Кюстин А. Николаевская Россия. – М.: Terra, 1900. – 288 с.
6. Кассирер Э. Избр. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 780 с.
7. Комягина Л. П., Матонин В. Н., Тропина В. В. Река Кушерецка: мореходная книга XVIII века (историко-культур. контекст, мат-лы, исслед.) / под ред. В. Н. Матонина. – Архангельск: Товарищество северного мореходства, 2011. – 189 с.
8. Матонин В. Н. Символы перехода и границы в навигационной системе Русского Поморья // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и мат-лов Всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Алт. ун-т, 2011. – 523 с.
9. Матонин В. Н. «Наше море – наше поле»: Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. – Архангельск: САФУ, 2013. – 334 с.
10. Осоргина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 2000. – 232 с.
11. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск: ПГУ, 2004. – 272 с.
12. Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – 2-е изд. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. I. – 671 с.
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэт. Избр. – М.: Прогресс-культура, 1995. – 630 с.
14. Флоренский П. А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях // Иконостас. Избр. тр. по искусству. – СПб.: Рус. кн., 1993. – 365 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

References

1. Afanas'ev A.N. Drevo zhizni. Moscow, 1983. 170 p.
2. Gibson K. Simvolny, znaki, emblemny, mify v material'noj i duhovnoj kul'ture. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 365 p.
3. Dostovernnye skazaniya o podvizhnichestve svjatyh otcov. Moscow, 1845. 257 p.
4. Machinskaja D.A., Machinskij A.D. Severnaja Rus', Russkij Sever i Staraja Ladoga v VIII – IX vekah. *Russkij Sever*. Leningrad, 1988. 235 p.

5. De-Kjustin A. Nikolaevskaja Rossija. Mosow, Terra Publ., 1900. 288 p.
6. Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. Mosow, Gardarika Publ., 1998. 780 p.
7. Komjagina L.P., Matonin V.N., Tropina V.V. Reka Kusherecka: morehodnaja kniga XVIII veka (istoriko-kul'turnyj kontekst, materialy, issledovanija). Pod redakciej V.N. Matonina. Arhangel'sk, Tovarishchestvo severnogo morehods-tva Publ., 2011. 189 p.
8. Matonin V.N. Simvoly perehoda i granicy v navigacionnoj sisteme Russkogo Pomorja. "Svoe" i "Chuzhoe" v kul'ture. *Sbornik statej i materialov Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "Chelovek i mir cheloveka"*. Barnaul. Rubcovsk, Altayskij universitet Publ., 2011. 523 p.
9. Matonin V.N. "Nashe more – nashe pole": Sociokul'turnoe prostranstvo severnoj derevni: genezis, struktura, seman-tika. Arhangel'sk, SAFU Publ., 2013. 334 p.
10. Osorgina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. Sankt-Peterburg, Piter Publ., 2000. 232 p.
11. Terebihin N.M. Metafizika Severa. Arhangel'sk, PGU Publ., 2004. 272 p.
12. Tokarev S.A., Meletinskij E.M. Mifologija. *Mify narodov mira*. Enciklopedija v 2 tomah. Pod redakciej S.A. Toka-reva. 2-e izdanie. Moscow, Rossijskaja enciklopedija Publ., 1994, vol. 1. 671 p.
13. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. Moscow, Progress-kul'tura Publ., 1995. 630 p.
14. Florenskij P.A. Analiz prostranstvennosti v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah. *Ikonostas. Izbrannye tru-dy po iskusstvu*. Sankt-Peterburg, Russkaja kniga Publ., 1993. 365 p.
15. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.